

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2022. Т. 11, вып. 3 (43). С. 207–219
Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2022, vol. 11, iss. 3 (43), pp. 207–219
<https://akmepsy.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-3-207-219>

Научная статья
УДК 316.62

Технологии риск-менеджмента в формировании социальной активности молодежи

И. В. Арендачук✉, М. А. Кленова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

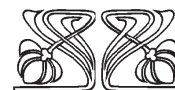
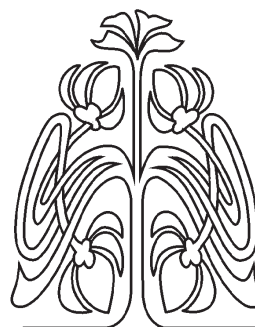
Арендачук Ирина Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, arend-irina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8378-2284>

Кленова Милена Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и развития, milena_d@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3900-1233>

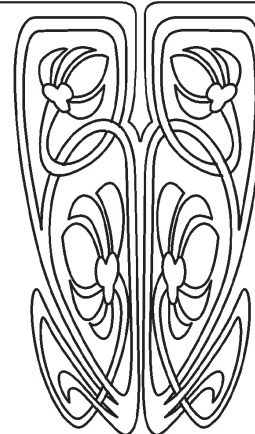
Аннотация. Представлены результаты исследования, целью которого стало обоснование возможности использования технологий риск-менеджмента в работе с молодежью, направленной на сопровождение ее социальной активности. *Гипотеза* основана на предположении, что современные технологии управления рисками, которые носят междисциплинарный характер, могут быть использованы при работе с молодежью, способствуя формированию и развитию у нее проявления конструктивных форм социальной активности. Методы исследования: предметно-категориальный анализ; анализ теоретических и эмпирических исследований по проблемам социальной активности молодежи и управлению рисками в разных сферах общественной жизни. Предложен междисциплинарный подход, позволяющий определить основные направления риск-менеджмента при формировании социальной активности личности. Рассмотрены основные зоны и источники рисков, связанных для молодежи с проявлением разных форм социальной активности в современных условиях развития российского общества. Технологии анализа, оценки и управления рисками проанализированы в соотнесении с проблемой социальной активности молодежи. На примере гражданской и образовательно-развивающей активности рассмотрены прикладные аспекты применения этих технологий при работе с молодежью. Показано, что методы, формы и структура риск-менеджмента являются универсальными и могут быть использованы при управлении рисками в формировании социальной активности.

Ключевые слова: риск, риск-менеджмент, социальная активность, молодежь, управление рисками социальной активности молодежи

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00298 «Психологические механизмы и факторы социальной активности молодежи»).

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Информация о вкладе каждого автора. И. В. Арендачук – концепция и дизайн исследования, теоретико-методологический анализ, написание текста; М. А. Кленова – методология исследования, теоретико-методологический анализ, написание текста.

Для цитирования: Арендачук И. В., Кленова М. А. Технологии риск-менеджмента в формировании социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2022. Т. 11, вып. 3 (43). С. 207–219. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-3-207-219>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Risk management technologies in the development of social activity of the youth

I. V. Arendachuk[✉], M. A. Klenova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina V. Arendachuk, arend-irina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8378-2284>

Milena A. Klenova, milena_d@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3900-1233>

Abstract. The article presents the results of the study aimed at justifying the possibility to use risk management technologies in working with young people in order to support their social activity. The study hypothesis is based on the assumption that modern risk management technologies, which are interdisciplinary in nature, can be used when working with young people, contributing to the formation and development of constructive forms of their social activity. Research methods: subject-categorical analysis; analysis of theoretical and empirical research on the problems of young people's social activity and risk management in various spheres of social life. The study proposes an interdisciplinary approach in order to determine the main vectors of the risk management directions in the development of social activity of an individual. The research indicates the main zones and sources of young people's risks that are associated with manifestation of various forms of social activity in modern conditions of Russian society. Technologies of risk analysis, assessment and management are analyzed in relation to the problem of social activity of young people. The authors consider the applied aspects of implementing these technologies when working with young people using the example of civic, and educational and developmental activity. The study shows that methods, forms and the structure of risk management are universal and can be used in risk management in the social activity development.

Keywords: risk; risk management; social activity; the youth; risk management in young people's social activity

Acknowledgements and funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00298 "Psychological Mechanisms and Factors of Young People's Social Activity").

Information on the authors' contribution: Milena A. Klenova developed the research methodology, carried out theoretical and methodological analysis, and wrote the text; Irina V. Arendachuk came up with the concept and design of the study, formulated the conclusions, and wrote the text.

For citation: Arendachuk I. V., Klenova M. A. Risk management technologies in the development of social activity of the youth. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2022, vol. 11, iss. 3 (43), pp. 207–219 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-3-207-219>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Научный интерес к изучению технологий управления рисками в последнее время выходит за границы исследований в области бизнеса, финансов, менеджмента, находя свое отражение в психологической науке. Подобный интерес ученых связан с существующей в научном мире потребностью в прогнозировании рисков на уровне не только принятия решений, но и их оценки и управления в социальном, социально-политическом, образовательном и многих других аспектах повседневной жизни человека и общества.

Значение риска в жизни человека трудно переоценить. Зачастую рискованные решения являются своеобразной «точкой роста» для личности, открывая для нее новые возможно-

сти и перспективы. Однако в обыденном представлении риск чаще всего связан с опасностью [1] и зачастую понятие риска сопровождается именно негативным контекстом. Тем не менее риск является частью социальной жизни человека. Об этом говорил и немецкий социолог О. Ренн, подчеркивая значение риска с точки зрения ценностной картины мира [2]. Вместе с коллегами он разработал семантические образы риска, метафорически соотнес их с сюжетами древнегреческой мифологии:

– риск как неизбежная опасность («Дамоклов меч») – это риск, которым невозможно управлять, существующий вне зависимости от нас и наших желаний;

– риск как невидимая угроза («Ящик Пандоры») – он существует, но мы о нем еще не знаем или недооцениваем его последствий;

– риск как соотношение потерь и прибыли («Весы Афины»);

– риск как потребность личности пойти на него («Геркулес») – добровольный риск, основанный на личном контроле степени его проявления [3].

В социально-психологическом контексте риск можно определить как деятельность, связанную с преодолением ситуации неопределенности, разрешение которой связано с неизбежным выбором, предполагающим оценку вероятности достижения поставленной цели, неудачи и отклонений от запланированного результата [4]. С этой точки зрения жизнедеятельность молодежи в динамично меняющемся обществе и связанная с ней социальная активность, предусматривающая инициативно-творческое преобразование сфер социального бытия и своей личности как его субъекта [5], находятся в зоне социальных рисков.

Проблема управления рисками на основе их анализа и уменьшения негативного воздействия изучается в работах, рассматривающих разные аспекты риск-менеджмента. Возникший в теории и практике экономической науки риск-менеджмент в современном мире приобретает междисциплинарный характер, его технологии находят свое применение в социальной практике [6, 7]. В исследованиях зарубежных авторов указывается на необходимость укрепления связи между оценкой и управлением рисками путем разработки стандартизированных и структурированных руководств по оказанию судебно-психиатрической помощи [8], рассматриваются ключевые факторы риска насилия, стратегии оценки и управления ими [9, 10]. Также отмечается востребованность методов риск-менеджмента при психологическом сопровождении людей, входящих в группы риска [11], и работе с потенциальными и реальными лидерами [12]. Отечественные исследователи изучают возможности реализации риск-менеджмента в практике служб социальной защиты и занятости населения [13], отмечают применимость его технологий в педагогике и в системе образования [14, 15].

Анализ представленных публикаций позволил сформулировать гипотезу о том, что современные технологии управления рисками имеют междисциплинарный характер и могут быть использованы при работе с молодежью, направленной на формирование и развитие у нее проявлений конструктивных форм социальной активности. Цель исследования – рассмотрение современных технологий риск-менеджмента применительно к процессу формирования со-

циальной активности молодежи. Методы исследования: предметно-категориальный анализ; теоретический анализ научных публикаций и эмпирических исследований по проблемам социальной активности молодежи и управлению рисками в разных сферах жизнедеятельности общества.

Риски разных форм социальной активности современной молодежи

В последнее время в качестве основных зон риска для формирования и развития социальной активности личности, а также для ее трансформации в условиях глобальных перемен выступают два основных рисковенных события – эпидемия COVID-19 и изменившиеся социально-экономические условия функционирования российского общества, в связи с чем интересы молодежи все больше концентрируются на внутригосударственных возможностях. Данные факторы обуславливают преобразование системы социальной активности молодежи и форм ее реализации в отдельных видах деятельности. Так, в условиях пандемии вышли на новый уровень развития такие формы социальной активности молодежи, как интернет-сетевая [16–18], образовательно-развивающая [19, 20], досуговая [21, 22], профессиональная [23], гражданская [24], протестная [25] и др.

Несмотря на содержательную сторону рисковенных событий, структура управления рисками универсальна как для экономического, так и для социально-гуманитарного направления научного знания. Традиционно выделяются четыре возможные зоны риска:

– безрисковая зона, или зона спокойствия – рисковенные факторы и события отсутствуют;

– зона допустимого риска – зона, в которой риск контролируем, достаточно предсказуем и управляем, его можно просчитать, а возможные потери не превышают приобретенный;

– зона критического риска, в ней риск не только осознается, но и ведет к определенным потерям на разных уровнях, превышающим вложения и приобретения;

– зона катастрофического риска, – если потери в несколько раз превышают вложения и становятся невозможными [26].

С позиции исследования риска в теории социальной активности молодежи следует упомянуть, что молодежь представляет собой одну из наиболее рисковенных социальных групп общества, динамика изменения которого

в современных условиях такова, что каждому человеку приходится постоянно осмысливать происходящие радикальные перемены, оценивать их перспективные последствия. Современная российская молодежь лучше других групп населения поняла эти перемены [27] и в соответствии с ними вынуждена модифицировать формы проявления своей активности. Кроме того, социализация молодых людей в обществе риска сопряжена с трудностями (источниками личностного риска), связанными с их политической, социальной и экономической несамостоятельностью, недостаточным для решения текущих проблем социальным опытом, разными стартовыми возможностями для успешной самореализации, что делает поведение и активность молодежи неустойчивыми и выводит их поведение и активность в разные зоны риска.

Так, в зоне допустимого риска находится образовательно-развивающая и профессиональная активность. Для молодежи основные риски здесь связаны с феноменом образовательной неуспешности – неудовлетворительным результатом образовательной деятельности, проявляющимся в слабой мотивации молодых людей на образование в целом, в отсутствии устремлений к достижениям [28], профессионально-личностному развитию, осуществлению трудовой деятельности в соответствии с полученным профессиональным образованием. Данные риски относят к категории допустимых, поскольку ущерб от них можно минимизировать за счет качественного улучшения образовательных приобретений (в школе, колледже, вузе): помимо повышения уровня знаний и связанных с ними компетенций, создавать условия для формирования навыков учебной самоорганизации, повышения мотивации к саморазвитию и самореализации, расширения представлений о современном рынке труда и возможности карьерных достижений в профессиональной деятельности, развития у молодежи способности к восприятию риска как нормы с позиции раскрывающегося потенциала для профессионального роста.

В зоне критического риска могут оказаться интернет-сетевая, досуговая, экономическая формы социальной активности молодежи, которая осознанно выбирает связанные с ними виды деятельности, но при этом не способна прогнозировать вероятный ущерб от них для психического здоровья личности, ее социального или материального статуса.

Риски при проявлении интернет-сетевой активности, ориентированной на общение,

самовыражение, игровую активность, коммерческую деятельность, получение информации, обусловлены личностными характеристиками молодежи – неизбирательностью в контактах, доверчивостью, выраженной потребностью в признании или популярности, отсутствием критичности и адекватности при оценке происходящих событий и анализе поступающих предложений, низкой толерантностью к внешнему воздействию и социальному давлению, повышенной эмоциональностью [29]. При их выраженности молодые люди либо становятся потенциальной «мишенью» для различных антисоциальных, экстремистских объединений [30], либо попадают в «ловушку» безграничных возможностей виртуального пространства, выбраться из которой без посторонней помощи становится проблематичным [31]. И как следствие – возникновение девиантного поведения и личностные деформации (социальный серфинг, негативная персональная идентичность, асоциальный репертуар самоподачи и др.) [32].

В связи с переходом культурного досуга молодежи в информационное пространство ее досуговая активность также оказалась в зоне критического риска, связанного с виртуальной средой, усиливающегося тем, что культурно-досуговые учреждения, адаптируясь к новой реальности, стали расширять способы предоставления своих услуг, используя сквозные цифровые технологии [22]. В данном случае риск обусловлен изменением характера досуговой деятельности в связи с переходом от активных форм ее реализации к пассивным, что чревато неблагоприятными последствиями для здоровья личности. Так, по данным исследований, социальная фрустрация, вызванная вынужденными социальными ограничениями в период пандемии, снижала уровень выраженности досуговой активности студенческой молодежи [33]. В свою очередь, пассивный досуг сопровождался нарушением правил здорового образа жизни, ограничением активных форм отдыха и физических нагрузок [34], что привело к ухудшению функционального состояния организма (физического и эмоционального самочувствия) [35].

Переживаемые молодыми людьми трудности с трудоустройством, созданием и поддержанием своего материального статуса, обостренные нестабильностью экономической ситуации в российском обществе, также выводят их экономическую активность в зону критического риска. С одной стороны, молодежь демонстри-

рует достаточно высокий уровень социального оптимизма при реализации индивидуальных стратегий социально-экономического поведения и связывает свои материальные успехи с реализацией личных ресурсов, повышением квалификации, нахождением приработка или высокооплачиваемой работы [36]. С другой стороны, именно представителям этой социальной группы в современном обществе труднее всего осуществлять свое трудоустройство в связи с такими факторами риска, как стереотипы работодателей о низкой квалификации молодежи и их неготовность достойно оплачивать ее труд; завышенный уровень представлений молодых людей о своих потенциалах и, соответственно, их нежелание работать на низкооплачиваемых должностях, ошибки профессионального самоопределения (выбор мало востребованных рынком труда профессий) [37]. Уровень критичности рисков экономической активности молодежи усиливается общесоциальными факторами – низким уровнем занятости населения (ростом безработицы), невысоким уровнем оплаты труда и трудностями карьерного роста. Особенно часто в зоне риска экономического неравенства оказываются молодые люди с низким уровнем финансовой грамотности и установкой на ограничительное экономическое поведение и пассивную адаптацию к рыночным условиям, подверженные действию стресса и напряженности в ситуациях неопределенности. Для них материальный дефицит выходит на уровень значимой и трудно преодолимой проблемы, переживание которой становится источником риска негативных эмоциональных реакций (беспокойства, тревоги, страха, депрессивного состояния) [38].

Для отдельных конкретных субъектов формирование и проявление гражданской, политической, протестной или радикально-протестной форм активности находится в зоне катастрофического риска. В условиях обострения социальной несправедливости и социально-политической напряженности риски проявления гражданской активности по осуществлению социальных преобразований «здесь и сейчас» связаны с ответной реакцией молодежи на неправомерное отношение к ней со стороны власти или ближайшего окружения [39]. При снижении ее публичной гражданской и политической активности наблюдается нарастание скрытого конфликта (оппозиционных настроений), особенно у той части, которая стремится открыто выразить свою позицию на митингах или в социальных

сетях. Несмотря на все вложения в развитие конструктивных форм социальной активности на разных уровнях жизнедеятельности личности (семья, школа, университет, государство), в обществе активизируются молодые люди, отличающиеся деструктивной инициативностью и демонстрирующие крайне асоциальные формы поведения вплоть до экстремизма и терроризма. На фоне спада массовых протестных акций отмечается повышение активности молодых лидеров-активистов (преимущественно в интернет-среде), направленной на продвижение оппозиционных настроений, привлекающих внимание значительного числа молодых людей. Вследствие такой деятельности формируется феномен виртуального деструктивного гражданского активизма молодежи – использование компьютерных технологий для выражения протеста (от подписания онлайн-петиций до хактивизма и призывов к экстремизму) как новая форма участия в жизни общества [25, 39]. Для молодых людей риски такой активности обуславливаются двумя группами факторов:

– субъектными характеристиками, увеличивающими риск манипуляции сознанием под влиянием оппозиционных лидеров, – пассивностью и интолерантностью личности, низкой жизнестойкостью в сочетании с повышенной агрессивностью, размытой идентичностью и подчиненностью авторитету [40];

– социальными условиями – неконтролируемым характером гражданского участия молодежи и вынужденным усилением мер социального и правового воздействия на нее со стороны общественности и государственных структур [41], слабой разработанностью мер профилактики социальных рисков.

Следует отметить, что большая часть рисков социальной активности молодежи может быть минимизирована путем специально организованной работы, основанной на мониторинге пожеланий и нужд молодых людей (в учебных заведениях, на различных интернет-площадках и т. п.) и направленной на решение наиболее актуальных для них вопросов как на уровне личности (развитие социальных компетенций и навыков, ценностно-мотивационных основ жизнедеятельности), так и на уровне деятельности (вовлечение в социально полезные формы взаимодействия с социумом). Эффективность такой работы повышается в случае предварительного изучения и анализа рискогенных факторов для социальной активности молодежи и проектирования мероприятий по снижению их действия на основе технологий управления рисками.

Технологии управления рисками социальной активности молодежи

Управление рисками в глобальном понимании представляется как снижение воздействия потенциальных или предполагаемых опасностей на динамическую систему любого уровня сложности [42], в числе которых можно отметить и социальную активность личности.

В целом технология управления любым риском представляет собой трехэтапный комплекс действий: постановка цели ведения конкретного вида деятельности – анализ и оценка риска в процессе принятия решения – управление риском в процессе реализации выбранного решения [43].

В качестве примера рассмотрим формирование гражданской активности молодежи при участии в патриотических акциях. Риском здесь будет выступать переориентирование молодежи с гражданской активности на протестную или радикально-протестную.

На первом этапе исследуется пространство риска в данном виде социальной активности – рассматривается общая вероятность риска перехода социально приемлемых проявлений гражданской активности в деструктивные формы. При этом основной упор делается на рисковую оценку планируемого мероприятия (насколько велика вероятность возникновения протестного поведения в ходе патриотической акции), поставленной цели и вероятности ее достижения, моделируется результат (в какой форме или видах деятельности будет проявляться гражданская активность молодых людей), оцениваются необходимые ресурсы для его достижения.

На втором этапе выявляются факторы риска (например, присутствие в группе молодых людей – представителей деструктивных субкультур), идентифицируются риски (оценивается принадлежность к конкретной субкультуре и ее рискогенность), выбираются показатели и оценивается собственно риск (делается непосредственный вывод о присутствии деструктивно ориентированных личностей в группе, который подтверждается конкретными фактами). Для идентификации факторов риска необходимо определить, где конкретно сосредоточены факторы риска, какие именно факторы риска наиболее опасны и какими факторами риска можно управлять, а какими нет. С помощью идентификации можно отнести конкретный риск к одной из трех категорий: часто встречающиеся риски, предвиденные или непредвиденные. Идентификация также позволяет выстроить классификационные

схемы, на основе которых будут анализироваться возможные варианты и приниматься конкретное решение в ситуации риска.

Третий этап предполагает проведение мероприятий по снижению риска. Первоначально выбираются стратегии и тактики управления риском (ответ на вопрос: «Что и как нужно будет делать в случае подтвержденного участия в мероприятиях по формированию гражданской активности лиц с деструктивными формами социального поведения?»). Далее необходимо выбрать средства и инструменты управления риском (например, привлечение правоохранительных органов либо перенаправление данных лиц на другие формы социальной активности, при которых риск проявления деструктивных форм поведения будет снижен, и пр.). Также необходимо учитывать и психологические аспекты принятия решений, причем касается это как тех, кто непосредственно принимает решения по управлению риском, так и тех, в отношении кого эти решения принимаются. Оцениваются не только психологические состояния субъекта социальной активности, но и его индивидуально-психологические особенности, которые также могут оказывать непосредственное влияние на формирование отношения к тому или иному виду социальной активности. Завершающим шагом третьего этапа проведения мероприятий по уменьшению риска является разработка программы действий по снижению риска. Затем организуется работа по выполнению намеченной программы, осуществляется контроль и оцениваются результаты уже принятого и реализованного рискованного решения.

Итогом реализации данных этапов должен стать конкретный результат. В рассматриваемом случае – риск проявления деструктивных форм социального поведения в процессе формирования гражданской социальной активности должен быть нивелирован.

При работе с молодежью может быть применена и технология использования инструментов риск-менеджмента, предложенная Р. М. Качаловым в рамках управления экономическим риском, предусматривающая разделение методов управления рисками на четыре группы [44].

Первая группа – это методы уклонения от риска. В данном случае предполагаются исключение любых рискованных ситуаций в процессе формирования социальной активности, применение только проверенных технологий, отказ от любой инновационной деятельности в случае даже не большого риска ее неуспешной реализации.

Вторая группа – методы локализации риска, которые применяются только тогда, когда можно четко идентифицировать источники риска и локализовать их. Как правило, они используются при внедрении инновационных методов работы, когда общий риск в принципе оценить еще достаточно сложно. Например, при формировании гражданской социальной активности в молодежной группе намеренно исключаются участники со склонностью к протестному поведению или иным его деструктивным формам. Локализация рисков перехода конструктивной гражданской активности в ее протестные формы может предусматривать и конкретную работу с молодежью, склонной к проявлениям деструктивного поведения, путем создания на базе учебных заведений специальных учебно-воспитательных подразделений. В рамках их работы целесообразно уделять внимание не только повышению мотивации к деятельности, направленной на позитивное преобразование общества и выражение поддержки, солидарности с другими людьми, но и организации психолого-педагогической профилактики, направленной на развитие социальной компетентности личности, включающей социально-психологические тренинги, индивидуальные консультации психолога, социально-педагогическую поддержку молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Третья группа методов работы с риском – это методы диссипации, или рассеивания, предусматривающие распределение или перераспределение риска между различными группами. Как правило, подобные методы связаны с процессом интеграции вокруг определенной цели, например формирования гражданской активности молодежи посредством снижения деструктивных проявлений в социальном поведении. Предположим, что у нас есть две «полярные» группы молодых людей – гражданские активисты и яркие представители деструктивных субкультур. В качестве основной цели работы выступает необходимость формирования конструктивных форм социальной активности. Метод диссипации риска посредством интеграции может выглядеть следующим образом: при прямой интеграции деструктивная группа объединяется с просоциальной, далее они совместно участвуют в мероприятиях по формированию социальной активности; при обратной интеграции просоциальная группа объединяется с деструктивной и внедряет технологии и техники формирования социальной активности. Другая разновидность методов диссипации риска – это диверсификация, когда в процессе формирования социальной активности

предлагается максимально возможное количество вариантов ее реализации в просоциальных видах активной деятельности.

Четвертая группа – упреждающие методы компенсации риска. К ним относятся стратегическое планирование, прогнозирование и целенаправленное действие. В отношении форм социальной активности стратегическое планирование позволяет всесторонне оценить ситуацию и предложить долгосрочные варианты достижения поставленной цели в виде готовых длительных программ, определяющих порядок совершения определенных действий. Например, результатом стратегического планирования при сопровождении профессиональной и связанной с ней экономической активности молодежи могут стать перспективные планы профессионально-личностного и карьерного развития, достижения оптимального уровня материального благополучия. Прогнозирование рисков предполагает определение вероятности их возникновения в процессе реализации планов на основе анализа возможных причин и источников, позволяет оценить рискогенность вероятных ситуаций в будущем и предложить конкретные варианты последующих действий. Стратегическое планирование в отношении формирования образовательно-развивающей активности молодых людей может быть направлено на построение планов реализации их индивидуальных образовательных траекторий и связанных с этим рисков (в системе «школьное образование – профессиональное образование – дополнительное образование в контексте построения карьеры») как на социальном, так и на личностном уровне. На социальном уровне стратегические планы образовательной активности молодежи должны быть ориентированы на соотнесение собственных интересов и потребностей с современным экономическим и технологическим прогрессом общества (в противном случае велика вероятность риска образовательной неуспешности). На уровне личности они должны включать разработку образовательной траектории движения по социальным лифтам с акцентом на развивающей активности (формирование качеств конкурентоспособной личности как фактора минимизации рисков социальной и профессиональной неуспешности [45]). Прогнозирование предполагает составление реестра возможных трудностей на каждом этапе осуществления стратегического плана, анализ вероятных ошибок и ресурсов для минимизации рисков их возникновения. Так, на этапе школьного обучения анализируются риски старшеклассников, обусловленные их психоло-

гической неготовностью к профессиональному самоопределению и соответствующему ему выбору образовательной траектории [46]. На этапе получения профессионального образования прогнозируются риски получения «не той» профессии и отказа от работы по специальности (анализируются причины ошибочного или навязанного выбора, слабо сформированного представления о связанных с ним собственных ресурсах и возможностях, отсутствия желания или невозможности трудоустройства). В контексте построения карьеры анализируются причины рисков образовательно-развивающей активности, обусловленных неготовностью молодежи к реализации концепции образования в течение всей жизни. Результатом помощи молодым людям при реализации их образовательно-развивающей активности, осуществляемой на всех этапах их обучения, должны стать четкое понимание алгоритма достижения образовательных целей, социального и личного успеха приемлемым и полезным для общества образом; готовность к возможным трудностям в процессе обучения; умение анализировать причины их возникновения и корректировать программу своих действий с учетом всех факторов.

Также можно отметить ряд общих рекомендаций по управлению рисками, приемлемых для работы с молодежью при формировании ее социальной активности:

- использование гибридных форм коммуникации с целевыми аудиториями молодежи, формирование соответствующих им правил культуры, этики и традиций общения;

- проведение силами самой молодежи мероприятий, связанных с самоорганизацией и взаимопомощью, с проявлением альтруистической активности по отношению к малоактивным, застенчивым сверстникам, сверстникам с ограниченными возможностями здоровья и находящимся в трудной жизненной ситуации [47];

- организация мероприятий, направленных на сокращение в обществе разрыва в межпоколенных мировоззренческих установках (например, молодежи, выходящей на рынок труда, и формирующих его работодателей);

- разработка и применение в образовательном процессе школьников и студентов технологий поддерживающего обучения, развитие разных форм внеучебной общественно значимой деятельности молодежи [28];

- повышение значимости психолого-педагогического сопровождения процесса профессионального самоопределения молодежи (в школах, колледжах, вузах) с целью снижения

рисков ошибочного выбора траекторий профессионального и карьерного развития, в том числе с использованием цифровых ресурсов как источников профориентационной информации [46];

- использование в образовательном процессе технологий, позволяющих учащейся и студенческой молодежи овладевать навыками системного анализа сложных ситуаций, принятия оптимальных решений в рискованной среде [48] (например, технологий проблемного обучения, проектирования, активного социально-психологического обучения);

- налаживание системы повышения квалификации специалистов, непосредственно работающих с молодежью, включающей как программы развития их психолого-педагогической компетентности (знание возрастных особенностей молодежи, ее социально-психологических характеристик, методов и форм эффективного взаимодействия с представителями молодежных групп разной направленности и т. п.), так и программы, формирующие цифровую компетентность при работе с молодежью, в частности навыки использования сквозных информационных технологий, таких как облачные решения, виртуальная и дополненная реальность, искусственный интеллект, цифровые средства коммуникации и кооперации в образовательной среде и др., чтобы ориентироваться на актуальные интересы и потребности разных представителей молодежи.

Заключение

Оценка формирования социальной активности молодежи с позиции технологий риск-менеджмента может лечь в основу системы управления ее конструктивным социальным поведением. Говоря о применении технологий риск-менеджмента в формировании социальной активности, необходимо отталкиваться, во-первых, от специфики глобальных, геополитических, социальных и общественных изменений, сопровождающих современное общество в целом, а во-вторых, от разработанной универсальной системы управления рисками. Несмотря на то, что данная система была ориентирована в первую на экономические науки, ее структура и универсальность могут быть переложены на все области научного и практического знания, так или иначе прикасающиеся к рискам. Рассматривая структуру и техники управления рисками в классической теории менеджмента, а также используя метод интеграции научного знания и междисципли-

нарный подход, можно сформировать целостное представление о том, каким образом управлять рисками в процессе формирования социальной активности разных групп общества.

В отношении молодежи в целом можно предполагать наличие и существование различных социальных рисков. С одной стороны, молодежь, как и все наше общество, находится в условиях риска. Но с другой стороны, в силу особенностей возрастного развития существует ряд специфических для этой группы общества рисков, связанных с проявлением таких форм ее социальной активности, как образовательно-развивающая и профессиональная (зона допустимого риска), интернет-сетевая, досуговая, экономическая (зона критического риска), гражданская, политическая, протестная или радикально-протестная (зона катастрофического риска для отдельных субъектов).

Риски вполне контролируемы и предсказуемы, что дает возможность направлять развитие социальной активности молодежи посредством укрепления позитивного отношения к конструктивной социальной активности на всех уровнях жизнедеятельности общества – от государственного до личного. Анализ технологий риск-менеджмента в формировании социальной активности показывает, что универсальные принципы управления рисками применимы при решении задач по их минимизации в процессе работы с современной молодежью.

Библиографический список

1. Кленова М. А., Шамяионов Р. М. Ценность и мотивация риска у представителей разных поколений // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия Психологические науки: Акмеология образования. Гендерная психология. 2009. Т. 15, № 3. С. 63–67.
2. Renn O. Three decades of risk research: accomplishments and new challenges // Journal of Risk Research. 1999. Vol. 1, iss. 1. P. 49–71. <https://doi.org/10.1080/136698798377321>
3. Klinke A., Renn O. Prometheus Unbound. Challenges of Risk Evaluation, Risk Classification, and Risk Management // Arbeitsbericht / Akademie für Technikfolgenabschätzung in Baden-Württemberg. Vol. 153. Stuttgart : OPUS – Publication Server of the University of Stuttgart, 1999. 50 p. <http://dx.doi.org/10.18419/opus-8558>
4. Тарасова Е. С., Артеменко Т. Д. Вероятностные методы оценки рисков // Вологодские чтения. 2010. № 78. С. 183–185.
5. Шамяионов Р. М. Социальная активность молодежи: системно-диахронический подход // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 166–188. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.8>
6. Adam B., van Loon J. Introduction: Repositioning Risk: the Challenge for Social Theory // The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory / eds. U. Beck et al. London : Sage Publ., 2000. P. 1–31.
7. Beck U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmers // The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory / ed. U. Beck et al. London : Sage Publ., 2000 P. 211–229.
8. Hutten J. C., Van Horn J. E., Uzieblo K., van der Veecken F. C. A., Bouman Y. H. A. Toward a risk management strategy: a narrative review of methods for translation of risk assessment into risk management // Journal of Forensic Psychology Research and Practice. 2022. Ahead-of-print. P. 1–26. <https://doi.org/10.1080/24732850.2021.2013359>
9. Kivisto A. J. Violence risk assessment and management in outpatient clinical practice // Journal of Clinical Psychology. 2016. Vol. 72, iss. 4. P. 329–349. <https://doi.org/10.1002/jclp.22243>
10. Levin S. K., Nilsen P., Bendtsen P., Bülow P. Adherence to planned risk management interventions in Swedish forensic care: What is said and done according to patient records // International Journal of Law and Psychiatry. 2019. Vol. 64, iss. 8. P. 71–82. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2019.02.003>
11. Paris Spink M. J., Menegon V., de Souza Bernardes J., Lapa Coelho A. E. The language of risk in psychology: A social constructionist analysis of a psychological database // Interamerican Journal of Psychology. 2007. Vol. 41, iss. 2. P. 151–160.
12. Fourie W. Leadership and risk: A review of the literature // Leadership & Organization Development Journal. 2022. Vol. 43, iss. 4. P. 550–562. <https://doi.org/10.1108/LODJ-08-2021-0394>
13. Бутова С. В., Писанка С. А. Реализация социального риск-менеджмента в контексте опыта развивающихся стран // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 24–31. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2017-1-4-24-31>
14. Беляева М. А. Риск как предмет научного анализа в педагогике и образовании // Педагогическое образование в России. 2014. № 11. С. 16–23.
15. Опфер Е. А. Риск-менеджмент в управлении качеством образования в вузе // Высшее образование в России. 2015. № 10. С. 84–91
16. Соколовская И. Э. Социально-психологические факторы удовлетворенности студентов в условиях цифровизации обучения в период пандемии COVID-19 и самоизоляции // Цифровая социология. 2020. Т. 3, № 2. С. 46–54. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-46-54>
17. Gómez-Galán J., Martínez-López J. Á., Lázaro-Pérez C., Sarasola Sánchez-Serrano J. L. S. Social networks consumption and addiction in college students during the COVID-19 pandemic: Educational approach to responsible use // Sustainability. 2020. Vol. 12, iss. 18. Article 7737. <https://doi.org/10.3390/su12187737>

18. Zheng F., Khan N. A., Hussain S. The COVID 19 pandemic and digital higher education: Exploring the impact of proactive personality on social capital through internet self-efficacy and online interaction quality // *Children and Youth Services Review*. 2020. Vol. 119, iss. 7. Article 105694. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105694>
19. Арендачук И. В., Кленова М. А., Усова Н. В. Характеристики образовательно-развивающей активности студентов в условиях вынужденной самоизоляции // *Психологическая наука и образование*. 2022. Т. 27, № 2. С. 82–95. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270207>
20. Chaturvedi K., Vishwakarma D. K., Singh N. COVID-19 and its impact on education, social life and mental health of students: A survey // *Children and Youth Services Review*. 2020. Vol. 121. Article 105866. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105866>
21. Каравай А. Досуговая активность российской молодежи: основные типы и факторы выбора // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2020. № 1-2 (130). С. 130–140
22. Ласточкина О. С. Культурный онлайн-досуг: поведение населения в период пандемии COVID-19 // *Beneficium*. 2021. № 3 (40). С. 83–89. [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2021.3\(40\).83-89](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).83-89)
23. Терехин А. С. Социальные ожидания студентов в осуществлении трудовой деятельности в условиях пандемии: социологический анализ // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2022. № 1 (5). С. 163–169. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2022-1-163-169>
24. Смолева Е. О., Уханова Ю. В. Онлайн- и офлайн-форматы гражданского участия: возможности и риски // *Caucasian Science Bridge*. 2021. Т. 4, № 3 (13). С. 66–76. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.6>
25. Костенко В. В. Влияние последствий пандемии коронавируса на участие российской молодежи в протестной деятельности молодежных общественных организаций // *Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2021. № 4. С. 106–115. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-4-106-115>
26. Фирсова О. А. Способы оценки степени риска // *Наука–2020*. 2012. № 1 (1). С. 154–166.
27. Кочеткова А. И. Российская молодежь как потенциальный человеческий капитал // *СЕРВИС PLUS*. 2008. № 4. С. 36–41.
28. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Риски образовательной неуспешности учащейся молодежи // *Социологический журнал*. 2020. Т. 26, № 2. С. 60–81. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7265>
29. Бабилова М. Р., Тагильцева Ю. Р. Коммуникативные стратегии и тактики как один из факторов формирования уязвимого поведения молодежи в сети Интернет // *Политическая лингвистика*. 2019. № 5 (77). С. 171–176. <https://doi.org/10.26170/pl19-05-18>
30. Кружкова О. В., Воробьева И. В., Никифорова Д. М. Психологические аспекты вовлечения в экстремистские группировки молодежи в среде Интернет // *Образование и наука*. 2016. № 10 (139). С. 66–90. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-10-66-90>
31. Тарханова И. Ю. Социализация молодежи средствами интернет-коммуникаций // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2017. № 4. С. 169–171.
32. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Социально-психологические аспекты восприимчивости молодежи к воздействиям среды Интернет // *Образование и наука*. 2017. Т. 19, № 9. С. 86–102. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-9-86-102>
33. Arendachuk I. V., Klenova M. A., Usova N. V. Social Frustration as Factor of Manifestation for Forms of Young People Activity // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021)*. 2021. Vol. 119. P. 119–126. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.12.02.15>
34. Андреева Е. Е., Гринин А. В. Влияние ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19, на ведение здорового образа жизни студенческой молодежью // *Педагогическое образование в России*. 2022. № 1. С. 27–36. https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_01_03
35. Потапова Е. А., Земляной Д. А., Кондратьев Г. В. Особенности жизнедеятельности и самочувствия студентов медицинских вузов в период дистанционного обучения во время эпидемии COVID-19 // *Психологическая наука и образование*. 2021. Т. 26, № 3. С. 70–81. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260304>
36. Логинов Д. М. Уровень жизни и финансовые практики российской молодежи // *Вопросы теоретической экономики*. 2020. № 3. С. 32–47. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10302>
37. Кочерга С. Ю. Трудоустройство молодежи: особенности, проблемы, пути решения // *Вестник экспертного совета*. 2021. № 4 (27). С. 52–58.
38. Горчакова О. Ю., Ларионова А. В., Козлова Н. В. Современное экономическое поведение: установки, представления и психологические особенности молодежи // *Психология и Психотехника*. 2021. № 4. С. 15–32. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2021.4.36778>
39. Щепланова В. В., Логинова Л. В., Зайцев Д. В., Суркова И. Ю. Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2020. Т. 20, № 3. С. 595–610. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610>
40. Шиповская В. В., Гусейнов А. Ш. Психологические факторы риска экстремистской активности личности в молодежной среде // *Гуманизация образования*. 2019. № 5. С. 180–195. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2019-10062>
41. Реутов Е. В. Риски, связанные с гражданским участием, в современном российском обществе // *Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления* / отв. ред. Ю. А. Зубок. Белгород : НИУ БелГУ, 2015. С. 608–612.

42. Дворяткина С. Н., Лопухин А. М. Поиск новых методологических подходов и методов в риск-менеджменте // Психология образования в поликультурном пространстве. 2021. № 2 (54). С. 35–47. <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2021-54-2-35-47>
43. Юсуфова О. М., Неврединов А. Р. Анализ основных методов оценки рисков на высокотехнологичных предприятиях // Управление финансовыми рисками. 2019. № 4. С. 322–329.
44. Качалов Р. М. Управление экономическим риском. Теоретические основы и приложения. М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. 248 с.
45. Лоскутова И. М., Синяев М. В. Риски становления социальной структуры российского общества и образовательные траектории молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. Вып. 2 (786). С. 194–200.
46. Хуторянская Т. В. Особенности профессионального самоопределения в зависимости от активности в социальных сетях обучающихся подросткового и юношеского возраста // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 2. С. 128–131. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.2.17>
47. Рассохина И. Ю., Пфетцер С. А., Пфетцер А. А. Поддержка сверхнормативной активности молодежи в ситуации пандемии COVID-19 как актуальное направление молодежной политики // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 4 (40). С. 29–40
48. Кудашев Э., Худайбердиев М. Развитие профессиональной компетентности студентов в обучении рискам и оценке рисков // Universum: психология и образование. 2021. № 5 (83). С. 19–22. <https://doi.org/10.32743/UniPsy.2021.83.5.11656>
6. Adam B., van Loon J. Introduction: Repositioning Risk: the Challenge for Social Theory. In: Beck U. et al., eds. *The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory*. London, Sage Publ., 2000, pp. 1–31.
7. Beck U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmers. In: Beck et al., eds. *The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory*. London, Sage Publ., 2000, pp. 211–229.
8. Hutten J. C., Van Horn J. E., Uzieblo K., van der Veeken F. C. A., Bouman Y. H. A. Toward a risk management strategy: A narrative review of methods for translation of risk assessment into risk management. *Journal of Forensic Psychology Research and Practice*, 2022, ahead-of-print, pp. 1–26. <https://doi.org/10.1080/24732850.2021.2013359>
9. Kivisto A. J. Violence risk assessment and management in outpatient clinical practice. *Journal of Clinical Psychology*, 2016, vol. 72, iss. 4, pp. 329–349. <https://doi.org/10.1002/jclp.22243>
10. Levin S. K., Nilsen P., Bendtsen P., Bülow P. Adherence to planned risk management interventions in Swedish forensic care: What is said and done according to patient records. *International Journal of Law and Psychiatry*, 2019, vol. 64, iss. 8, pp. 71–82. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2019.02.003>
11. Paris Spink M. J., Menegon V., de Souza Bernardes J., Lapa Coêlho A. E. The language of risk in psychology: A social constructionist analysis of a psychological database. *Interamerican Journal of Psychology*, 2007, vol. 41, iss. 2, pp. 151–160.
12. Fourie W. Leadership and risk: A review of the literature. *Leadership & Organization Development Journal*, 2022, vol. 43, iss. 4, pp. 550–562. <https://doi.org/10.1108/LODJ-08-2021-0394>
13. Butova S. V., Pisanka S. A. Social risk management implementation within the context of the experience of developing countries. *State and Municipal Administration. Scientific Notes*, 2017, no. 4, pp. 24–31 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2017-1-4-24-31>
14. Belyaeva M. A. Risk as an object of scientific analysis in pedagogy and education. *Pedagogical Education in Russia*, 2014, no. 11, pp. 16–23 (in Russian).
15. Opfer E. A. Risk-management in university educational quality management. *Higher Education in Russia*, 2015, no. 10, pp. 84–91 (in Russian).
16. Sokolovskaya I. E. Socio-psychological factors of students satisfaction in the context of digitalization of education during the COVID-19 pandemic and self-isolation. *Digital Sociology*, 2020, vol. 3, no. 2, pp. 46–54 (in Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-46-54>
17. Gómez-Galán J., Martínez-López, J. Á., Lázaro-Pérez C., Sarasola Sánchez-Serrano J. L. Social networks consumption and addiction in college students during the COVID-19 pandemic: Educational approach to responsible use. *Sustainability*, 2020, vol. 12, iss. 18, article 7737. <https://doi.org/10.3390/su12187737>

References

18. Zheng F., Khan N. A., Hussain S. The COVID-19 pandemic and digital higher education: Exploring the impact of proactive personality on social capital through internet self-efficacy and online interaction quality. *Children and Youth Services Review*, 2020, vol. 119, iss. 7, article 105694. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105694>
19. Arendachuk I. V., Klenova M. A., Usova N. V. Features of educational and developmental activity of students under forced self-isolation. *Psychological Science and Education*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 82–95 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/pse.2022270207>
20. Chaturvedi K., Vishwakarma D. K., Singh N. COVID-19 and its impact on education, social life and mental health of students: A survey. *Children and Youth Services Review*, 2020, vol. 121, article 105866. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105866>
21. Karavay A. Leisure activity of Russian youth: The main types and factors of choice. *The Russian Public Opinion Herald*, 2020, vol. 1-2 (130), pp. 130–140 (in Russian).
22. Lastochkina O. S. Online cultural leisure: People's behavior during the COVID-19 pandemic. *Beneficium*, 2021, no. 3 (40), pp. 83–89 (in Russian). [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2021.3\(40\).83-89](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).83-89)
23. Terekhin A. S. Social expectations of students in performing labour activities in the pandemic conditions: a sociological analysis. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, 2022, no. 1 (5), pp. 163–169 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2022-1-163-169>
24. Smoleva E. O., Ukhanova Yu. V. Online and offline formats of civic participation: possibilities and risks. *Caucasian Science Bridge*, 2021, vol. 4, no. 3 (13), pp. 66–76 (in Russian). <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.6>
25. Kostenko V. V. Impact of coronavirus pandemic on participation of russian youth in protest activities of youth social organizations. *Izvestiya of Tula State University. Film Humanities*, 2021, no. 4, pp. 106–115 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-4-106-115>
26. Firsova O. A. Methods for assessing the degree of risk. *Nauka–2020*, 2012, no. 1 (1), pp. 154–166 (in Russian).
27. Kochetkova A. I. Russian youth as a potential human capital. *SERVICE PLUS*, 2008, no. 4, pp. 36–41 (in Russian).
28. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Risks of educational failure for studying youth. *Sociological journal*, 2020, vol. 26, no. 2, pp. 60–81 (in Russian). <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7265>
29. Babikova M. R., Tagil'tseva Yu. R. Communicative strategies and tactics as a factor of formation of vulnerable behavior of young people on the Internet. *Political Linguistics*, 2019, no. 5 (77), pp. 171–176 (in Russian). <https://doi.org/10.26170/pl19-05-18>
30. Kruzhkova O. V., Vorob'yeva I. V., Nikiforova D. M. Psychological aspects of involvement of young people in extremist groups in the Internet environment. *The Education and Science Journal*, 2016, no. 10 (139), pp. 66–90 (in Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-10-66-90>
31. Tarkhanova I. Yu. Socialization of youth by means of Internet communications. *Vestnik Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2017, no. 4, pp. 169–171 (in Russian).
32. Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V. Social-psychological aspects of youth susceptibility to the Internet impact. *The Education and Science Journal*, 2017, vol. 19, no. 9, pp. 86–102 (in Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-9-86-102>
33. Arendachuk I. V., Klenova M. A., Usova N. V. Social frustration as factor of manifestation for forms of young people activity. *European Proceedings Of Social And Behavioural Sciences EpSBS. International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021)*, 2021, vol. 119, pp. 119–126. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.12.02.15>
34. Andreeva E. E., Grinin A. V. The impact of restrictive measures related to the COVID-19 pandemic on the healthy lifestyle of students. *Pedagogical Education in Russia*, 2022, no. 1, pp. 27–36 (in Russian). https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_01_03
35. Potapova E. A., Zemlyanoy D. A., Kondratyev G. V. Features of life and well-being in medical students during distance learning in the course of the COVID-19 epidemic. *Psychological Science and Education*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 70–81 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/pse.2021260304>
36. Loginov D. M. The level of life and financial practices of the Russian youth. *Theoretical Economics*, 2020, no. 3, pp. 32–47 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10302>
37. Kocherga S. Yu. Employment of youth: features, problems, ways of solution. *Vestnik ekspertnogo soveta [Bulletin of the Expert Council]*, 2021, no. 4 (27), pp. 52–58 (in Russian).
38. Gorchakova O. Y., Larionova A. V., Kozlova N. V. Modern economic behavior: attitudes, representations and psychological characteristics of youth. *Psychology and Psychotechnics*, 2021, no. 4, pp. 15–32 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2021.4.36778>
39. Shcheblanova V. V., Loginova L. V., Zaytsev D. V., Surkova I. Y. Student civil activism: Risk of destructive manifestations in the Volga Region. *RUDN Journal of Sociology*, 2020, vol. 20, no. 3, pp. 595–610 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610>
40. Shipovskaya V. V., Guseinov A. S. Psychological risk factors of the extremist activity of the personality among youth. *Gumanizatsiya obrazovaniya [Humanization of Education]*, 2019, no. 5, pp. 180–195 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2019-10062>
41. Reutov E. V. Risks associated with civil participation in modern Russian society. In: Zubok Yu. A., executive ed. *Riski v izmenyayushcheysya sotsial'noy real'nosti: problema prognozirovaniya i upravleniya [Risks in the*

- Changing Social Reality: The Problem of Forecasting and Management]. Belgorod, BelSU Publ., 2015, pp. 608–612 (in Russian).
42. Dvoryatkina S. N., Lopukhin A. M. Search for new methodological approaches and methods in risk management. *Psihologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve* [Psychology of Education in a Multicultural Space], 2021, no. 2 (54), pp. 35–47 (in Russian). <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2021-54-2-35-47>
43. Yusufova O. M., Nevredinov A. R. Analysis of the main methods of risk assessment at high-tech enterprises. *Upravlenie finansovymi riskami* [Financial Risk Management], 2019, no. 4, pp. 322–329 (in Russian).
44. Kachalov R. M. *Upravlenie ekonomicheskim riskom. Teoreticheskie osnovy i prilozheniya* [Management of Economic Risk. Theoretical Foundations and Applications]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012. 248 p. (in Russian).
45. Loskutova I. M., Sinyaev M. V. The risks of formation of social structure of Russian society, the educational trajectories of youth. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2017, iss. 2 (786), pp. 194–200 (in Russian).
46. Hutoryanskaya T. V. The peculiarities of professional self-determination in relation to the activity in social networks of adolescent and school-leaving students. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2022, no. 2, pp. 128–131 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.2.17>
47. Rassokhina I. Yu., Pfttser S. A., Pfttser A. A. Support of excess activity of young people in the situation of the COVID-19 pandemic as an actual direction of youth policy. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2020, no. 4 (40), pp. 29–40 (in Russian).
48. Kuldashev E., Khudayberdiyev M. The development of students' professional competence in teaching risks and risk assessment. *Universum: psihologiya i obrazovanie* [Universum: Psychology and Education], 2021, no. 5 (83), pp. 19–22 (in Russian). <https://doi.org/10.32743/UniPsy.2021.83.5.11656>

Поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 05.06.2022; принята к публикации 13.06.2022
The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 05.06.2022; accepted for publication 13.06.2022